

Марат Салахов

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. МИССИОНЕРСКИЙ АСПЕКТ

Середина XIX - начало XX в. было периодом зарождения и развития отечественного востоковедения, а исламоведение превратилось в одну из его ведущих отраслей. Особая роль в изучении ислама принадлежит Казанской духовной академии. Наиболее заметными знатоками ислама были Г.С.Саблуков, Н.И. Ильминский, Е.А. Малов, Н.П. Остроумов, П.К. Жузе, М.Г. Иванов, А.А. Архангельский, М.А. Миропиев, Я.Д.Коблов и др. Как отмечал М.А. Батунский, студенты и преподаватели противомусульманского отделения Казанской духовной академии являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламововедами¹.

Одной из самых главных причин открытия Казанской духовной академии для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно осветить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры».²

Рассматривая миссионерский аспект востоковедения и, в частности, исламоведения в Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX века, необходимо обратиться к периодизации истории миссионерских отделений, позволяющей понять основные изменения, которые испытывали эти отделения на протяжении исследуемого отрезка времени. Можно выделить пять этапов³:

1) Причины образования и создание миссионерских отделений (1842-1858 гг.).

2) Положение миссионерских отделений в 1858-1868 гг.

3) Устав духовных академий 1869 г. Последствия его принятия для миссионерских отделений.

4) Устав духовных академий 1884 г. и изменения в миссионерском образовании с ним связанные.

5) Устав духовных академий 1910 г. и миссионерские кафедры.

Представленная периодизация отражает серьезные изменения, происходящие в сфере изучения ислама, и статусом самих миссионерских отделений в

Казанской духовной академии. Каждый из выделенных этапов характеризуется реформами в миссионерском образовании.

Причины образования и создание миссионерских отделений (1842-1858 гг.).

Работа по созданию миссионерских отделений в Казанской духовной академии началась сразу после открытия академии⁴. Определив наиболее распространённые языки у нерусских народов, проживающих на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российского государства, руководство учебного заведения открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкий, татарский и арабский языки и 2) монгольский и калмыцкий языки⁵. Ректор Григорий Митькевич (1844-1851 гг.) усердно заботился о введении в академии серьёзного изучения восточных языков. Именно по его инициативе были открыты два класса по изучению языков – монголо-калмыцкое с 8 января 1845 г. и татарско-арабское 22 января 1845 г. Первыми учителями-лингвистами стали выдающиеся ученые из Казанского университета А.К. Казем-Бек (вел занятия по турецко-татарскому и арабскому языкам) и А.А. Попов (преподавал монголо-калмыцкий язык). Оба профессора занимались главным образом изучением языков, и сведения по истории, этнографии и религии арабов, монголов и калмыков сообщали поверхностно. Тем не менее они успели за полтора года своего преподавания в стенах академии подготовить несколько отличных наставников нерусских языков для семинарий и двоих для Казанской духовной академии – А.А. Бобровникова и Н.И. Ильминского. Последние составили целую эпоху в истории миссионерского образования не только в самой академии,

но и во всем академическом округе⁶. Поэтому здесь необходимо указать, что даже «непродолжительное преподавание университетских профессоров оказалось очень важным для дальнейшей судьбы востоковедения в Казанской духовной академии. Оно определило основные направления в его развитии – изучение языков тюркских и монгольских народов России, истории ислама и буддизма, и создало преемственность научных исследований Казанского университета и Казанской духовной академии. Открытие в академии сначала татарско-арабского и монгольско-калмыцкого разрядов, а затем специальных миссионерских отделений было бы невозможно без преподавателей, прошедших подготовку у университетских профессоров. Способствуя подготовке первых преподавателей восточных языков Казанской духовной академии, А.К. Казем-Бек и А.А. Попов заложили основу для изучения здесь восточных языков»⁷.

Первым вопросом о более определенной постановке миссионерских кафедр поднял Н.И. Ильминский в 1848 г. В своей записке правлению академии он указал пути приобщения студентов к изучению восточных языков, призывал определить цели кафедр, разработать учебные программы и т.д. В начале 1854-1855 учебного года произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: «Иноверцы и язычники, находящиеся в епархиях Казанского духовно-учебного округа, трех родов: а) татары, б) народы монгольского племени, в) чуваша, черемисы и вотяки. Все сии племена говорят разными языками и имеют каждый свои собственные заблуждения в отношении веры. Посему: 1) Необходимо открыть при Казанской духовной академии три параллельные миссионерские отделения для образования наставников

Семинарий и миссионеров, имеющих действовать на а) татар, на б) монгольское племя и на в) чуваш, черемис и вотяков. 2) В сии отделения должны быть помещаемы те студенты высшего и низшего отделения, которые изъявляют желание быть по окончании Академического курса или миссионерами, или наставниками в Семинариях Казанского Духовного Учебного округа по языкам означенных племен и по миссионерским предметам; преимущественно же должно помещать в сии отделения воспитанников тех епархий, в которых есть означенные племена»⁸. Таким образом, в академии были открыты четыре отделения: 1) противораскольническое, 2) противомусульманское, 3) противобуддистское и 4) черемисско-чувашское. С этого времени можно говорить о специфической миссионерской направленности образования в Казанской духовной академии по сравнению с другими аналогичными академиями. Открытие специальных миссионерских отделений требовало привлечения профессиональных преподавателей-востоковедов. В своей статье мы не будем останавливаться на деятельности противораскольнического отделения, зато подробно осветим историю других трех миссионерских отделений, связанных с изучением нерусских народов Поволжья, Приуралья, Сибири и др.

На черемисско-чувашском отделении студентам должны были преподаваться вероучение, этнография и языки этих племен и соответствующая часть миссионерской педагогики. Здесь надо отметить, что студенты всех миссионерских отделений освобождались от изучения истории, философии, математики и естественных наук. Преподавание было возложено на протоиерея Вишневого. В 1854 г. на это отделение записалось 12 человек. Через два года черемисско-чу-

вашское отделение было закрыто, так как число прошедших курс обучения в нем показался руководству академии достаточным для удовлетворения потребностей края⁹.

Противобуддистское отделение академии не проявляло широкой практической деятельности, как противомусульманское, вследствие уже самой отдаленности заведения от регионов с буддийским населением, и в основном носило только учебный характер. В 1854 г. на него записалось всего 7 студентов. И в последующие годы количество воспитанников в отделении не менялось. Единственным преподавателем здесь был А.А. Бобровников. Он читал лекции по монгольскому и калмыцкому языкам, вел буддийское учение с полемикой, миссионерскую педагогику и даже народную медицину. Преподаватель академии К.В. Харлампович высоко оценил деятельность А.А. Бобровникова и Н.И. Ильминского: «Последние составили целую эпоху в истории миссионерского образования не только в самой академии, но и во всем академическом округе»¹⁰.

Противомусульманское отделение должно было стать центром подготовки специалистов для ведения миссионерской деятельности среди мусульман, новообращенных христиан и язычников, проживающих в основном на территории Поволжья и Приуралья. Преподавателями на него были назначены Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков (с 1856 г.) и практикант татарского языка Ямбулатов. На отделении студентам преподавались в течение четырех лет следующие науки: «история Мухаммеда», «мухаммеданская вера» по ее источникам с раскрытием общего характера татар, их образа мышления, обычаев и привычек; педагогика, татарский и арабский языки в такой степени, чтобы студенты могли свободно объясняться с татарами в повседневной обстановке не только о

простых предметах, но и о христианском религиозном учении, заповедях, понятиях и т.д.¹¹. Занятия по разговорному татарскому языку летом проводились в татарской слободе, где студенты размещались на казенный счет. Таким образом, воспитанникам миссионерского противомусульманского отделения давались хорошие знания по религиозным учениям и истории ислама, христианства, по нерусским языкам, позволяющим эффективно их использовать в будущей миссионерской деятельности. Выпускники отделения могли свободно объясняться с татарами и по возможности оказывать на них религиозное влияние и информационное воздействие.

По своему назначению и определению противомусульманское отделение стало научным центром изучения истории и этнографии нерусских народов России, истории и учения ислама. Именно здесь сконцентрировались выдающиеся преподаватели и знатоки мусульманской религии. Как отмечал М.А.Батунский, студенты и преподаватели противомусульманского отделения Казанской духовной академии «...являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламооведами»¹². Высоко оценивает деятельность этого отделения и И.Алексеев, называя ее еще и новацией, культурно-политическим проектом: «Создание противомусульманского миссионерского отделения, готовившего высококвалифицированных специалистов, обладавших комплексным знанием социокультурных реалий, языков и религиозных верований мусульманских народов, империи было определенной новацией в религиозно-просветительской практике православной церкви и далеко не всегда вызывало сочувствие самих церковников. Можно сказать, что это был в большей степени культурно-политический, нежели цер-

ковный проект, инициированный светскими лицами, такими как Н.И. Ильминский. Он был ориентирован на практическую реализацию положения о господствующем характере православия методами целенаправленной культурной политики»¹³.

На начальном этапе своего существования противомусульманское отделение осуществляло сбор материала о предмете своего научного исследования, приобретало мусульманскую литературу и источники и нарабатывало методы работы с ними¹⁴. Деятельность противомусульманского отделения, по мнению Е.В. Колесовой, способствовала формированию в последней трети XIX в. профессионального миссионерского исламоведения¹⁵. Свидетельством его растущей репутации явилось приглашение казанских специалистов принять участие в подготовке III международного конгресса востоковедов, который проходил в Санкт-Петербурге в 1876 г.¹⁶

Примечательным моментом является то, что Казанская духовная академия организовывала зарубежные научные командировки преподавателей миссионерских отделений. Например, с целью изучения арабского языка, истории и учения ислама и Востока, а также в связи с возросшей необходимостью рассмотрения постановки миссионерской работы католического духовенства Совет Казанской духовной академии направил Н.И. Ильминского на два с половиной года в мусульманские страны (Египет, Аравия, Сирия и др.)¹⁷. Данная командировка была первым в России случаем «отправки за границу» преподавателя духовного учебного заведения¹⁸. Н.И. Ильминскому предписывалось: «За время путешествия основательно изучить арабский язык, историю Магомета, магометанской веры и ее сект... изучить магометанскую веру по ее источникам, вникнув при этом в ее

слабые стороны и указав удобнейшие способы выйти из нее в христианство... готовить материалы для составления удовлетворительной антикораники... заняться основательным изучением турецкого языка... досужие часы употребить на изучение персидского языка... также еврейского... составить особый сборник наиболее полезных наблюдений и открытий по части литературы и древностей... посещать в Сирии и в Египте древние храмы, обратить внимание на древние в них манускрипты и утвари...»¹⁹.

После возвращения из этой научной командировки в 1854 г. Н.И. Ильминский был назначен преподавателем в противомусульманское отделение академии. Он вел занятия по истории Мухаммеда, «мухаммеданской вере», педагогике, татарскому и арабскому языкам. На первых порах он ставил «изучение языков выше изучения мусульманства и особенно богословской против него полемики»²⁰.

На ранних этапах своей деятельности Н.И. Ильминский не придавал большого значения противомусульманской полемике и считал более приоритетным просветительскую деятельность в татарской среде, а именно популяризацию христианства. С 1856 г., освободившись от преподавания языков, он мог сосредоточиться на изложении мусульманского учения с более высокой интенсивностью. Этот курс он начал с рассмотрения подробного жизнеописания Мухаммада по арабским источникам и истории первоначального рассмотрения ислама. Затем у него следовал курс мусульманского законоведения – «Мухтасараль викайаэ» (в переводе с арабского «Избрание защиты»), с изложением подробных правил мусульманской религии. И, наконец, им была изложена мусульманская догматика по арабскому сочинению А.Несефи, в толковании шейха Тафтазани²¹.

Можно утверждать, что именно Ильминский был пионером в области изучения арабского языка и ислама в Казанской духовной академии. Его исследования стали толчком в деле развития крупного исламоведческого центра в Казанской духовной академии.

Другим преподавателем миссионерского противомусульманского отделения, известнейшим представителем казанского исламоведения второй половины XIX в. был Г.С. Саблуков. Его перевели в Казанскую духовную академию из Саратовской духовной семинарии в 1849 г. Выпускник Московской духовной академии, он владел тремя восточными языками (еврейским, арабским и татарским). По мнению И.Ю. Крачковского, знакомство и общение с академиками Х.Д. Френом и П.С. Савельевым заменило Г.С. Саблукову «недостававшую ему специальную научную школу»²².

Период 1856-1858 гг. является самым эффективным в деятельности противомусульманского отделения благодаря совместным усилиям Ильминского и Саблукова. Первый преподавал мусульманское вероучение с полемикой против него, второй – татарский и арабский языки²³. «Г.С. Саблуков в эти два года, – отмечал П.В. Знаменский, – занимался исключительно преподаванием языков. Он и сам в это время усидчиво занимался татарским и арабским языками, стараясь довести свои знания до совершенства и доводя свою работу до некоторой даже скрупулезности. Он сам рассказывал, как, например, желая овладеть произношением известного арабского звука, он по целым неделям настойчиво настраивал на этот звук и горло, и язык, или, стараясь усвоить в совершенстве манеру писать на столе, садился по-восточному и чертил арабские буквы, держа руку с бумагой на коленке. Такою же внимательностью отличалось

и его преподавание... При переводах с татарского и арабского языков он общал такую массу филологических замечаний и вдавался в такие ученые подробности, что изумлял всех своих слушателей и оказывался даже слишком уже для них учен...»²⁴.

Положение в миссионерских отделениях в 1858-1868 гг.

Изменения и преобразования в учебной сфере 1858 г. связаны с деятельностью ректора Казанской духовной академии епископа Иоанна Соколова (1858-1864 гг.). Его мероприятия в этой сфере были направлены, прежде всего, против миссионерских отделений. Он не понимал значения изучения миссионерских предметов. «Какие-то курятники понастроили»²⁵, – выражался он о них презрительно и находил, что их кафедры занимаются не стоящими никакого внимания глупостями какой-то там татарвы да бурят и только мешают развитию в академии преподавания более солидных наук»²⁶. Иоанн самолично произвел радикальную перетасовку всех предметов преподавания, уничтожив миссионерские отделения с отменой одних предметов и передачей в основные отделения других (которые, таким образом, стали общеобязательными), соединив словесность с церковным красноречием, расширив курсы философии и восстановив математику. Он считал излишним изучение ислама и предлагал, уничтожив его особую кафедру, присоединить его к кафедре арабского и татарского языков, «обязав наставника, чтобы он, не вдаваясь в специальное изучение ислама, прямо и положительно руководил воспитанников к самому обличению магометанства в его главных основаниях»²⁷. Было сокращено число кафедр на миссионерских отделениях, на каждом отделении было остав-

лено по одному наставнику и уволен практикант разговорного татарского языка. Соответственно этому была произведена перетасовка наставников, в результате чего академию оставили лучшие профессора и важнейшие кафедры опустели»²⁸.

3 ноября 1858 г. Н.И. Ильминский покидает Казань и отправляется на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. Одной из главных причин его ухода из академии стало, по мнению И.Ю. Крачковского, расхождение во взглядах с академическим начальством. Ректор академии Иоанн, несмотря на всю свою образованность и незаурядность, весьма пренебрежительно относился к миссионерским дисциплинам. Ильминский был «обличен в увлечении исламом и даже в его пропаганде»²⁹. Предметы татарского отделения ректор Иоанн сделал общеобязательными для младшего курса и их преподавание отдал Саблукову, а Ильминского перевел на математику.

После ухода Ильминского из противомусульманского отделения начальство требовало от Саблукова обращения внимания на вопросы полемики с мусульманством, отодвигая языки на задний план. Достаточно сказать, что некоторое время ему приходилось уделять на арабский и татарский языки только по одному часу раз в две недели. Хотя современники Саблукова высоко оценивали его педагогическую работу, при таких условиях она была малоэффективной и непродолжительной. В 1862 г., из-за нерасположения ректора Казанской духовной академии Иоанна, Саблуков уходит из противомусульманского отделения академии. Один из лучших его учеников за это время Е.А. Малов считал Саблукова даже основателем противомусульманской полемики в академии, т.к. Ильминский систематически ею не занимался. Саблуков составил и

программу этой науки, стараясь совместить в ней и изучение ислама по источникам, и вместе с тем опровержение его по сравнению с христианством³⁰.

Место преподавателя турецкого, татарского и арабского языков вновь занимает Ильминский. Он ведет работу по восстановлению на свои средства кафедры противомусульманской полемики. Один из его бывших студентов, Н.П. Остроумов, писал: «Н.И. Ильминский преподавал нам татарский язык. Преподавание его было в высшей степени просто, вразумительно и в то же время научно и занимательно». Выделял он и лекции Ильминского по арабскому языку: «К сожалению, неопределенность будущего положения нашего по выходе из академии охлаждала нередко наше усердие к занятиям арабским языком. Но почтительное уважение к Николаю Ивановичу тотчас же вызывало угрызения совести; мы чувствовали, что совестно, неприлично не явиться к нему на лекцию, и употребляли все усилия над собой, – шли в аудиторию. Иногда бывало на лекции его всего два человека, а он, как бы не замечая этого, усердно переводил с нами арабский текст и объяснял нам переводимое»³¹.

Кафедру противомусульманской полемики возглавил Евфимий Александрович Малов, «с первых же шагов определившийся не только как ученая сила на кафедре, но и как энергичный деятель на миссионерском поприще»³². Е.А. Малов после окончания миссионерского противомусульманского отделения академии в 1862 г. по небрежности начальства был определен на богословские науки в Казанскую семинарию. И только благодаря Ильминскому он в 1864 г. снова оказывается в академии и преподает свой любимый предмет. Малов, кроме преподавательской деятельности в Казанской духовной академии, ак-

тивно занимался практическим миссионерством и был известен своими многочисленными сочинениями. Он детально знал христианскую, иудейскую, мусульманскую религии, их догматы и источники³³. «Е. Малов...», – писал А.Н. Григорьев, – являясь противником системы Ильминского, выдвигал на первый план метод полемики с муллами и мусульманским населением»³⁴. П.В. Знаменский добавляет, что его «натура, как будто нарочито созданная для практического миссионерства; притом он историк миссии и искусный наблюдатель нравов, умственных и религиозных понятий татар»³⁵. Е.А. Малов был активным инициатором создания в Казани православной миссии, прообраза Братства Святителя Гурия³⁶. Его практическая деятельность отразилась и в направленности его литературно-научных сочинений, являющихся преимущественно полемическими. Среди них: «Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергавшихся влиянию мухаммеданства» (1871), «Сличение мухаммеданского учения об именах Божиих с христианским о них учением» (1874), «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (Опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране)» (1889), «О крещеных татарах (из миссионерского дневника)» (1891), «Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк)» (1894), «О таинственной книге Гиллион (против мухаммедан и евреев)» (1893), «Что означают слова Корана: Авраам был народом?» (1914) и др. Большим интересом в миссионерской среде пользовались опубликованные протоиереем Е.А. Маловым в 1885 г. беседы с ученым муллой об Адаме по учению Библии и по учению Корана. Однако Е.А. Малов был не только миссионером, но и историком-краеведом, издавшим множество серьезных

трудов, посвященных историческому описанию местных церквей и монастырей.

Состав татарского отделения одновременно пополнился практикантом, крещеным татаринном В.Т. Тимофеевым. Он родился в 1836 г. в дер. Никифорово Мамадышского уезда. В 1847 г. Василий Тимофеев поступает в приходскую школу своего села, где и приобретает первые знания о христианской вере. Знакомство с русской грамматикой и православными книгами привело к тому, что на своих родителей и односельчан, ничего не знавших о христианстве и державшихся какой-то смеси древнетатарского язычества с мусульманством, он смотрел как на язычников. Поэтому в 1856 г. он покидает свою деревню и приезжает в Казань. Здесь он устраивается в монастырь послушником и продолжает свое религиозное образование. Стать священником ему помешала палата государственных имуществ, которая потребовала от него рекрутскую квитанцию. А на нее у Василия Тимофеева не было денег. Ему пришлось вернуться в свою деревню и заняться крестьянским хозяйством. Стать преподавателем и вернуться к любимым религиозным занятиям В.Т. Тимофееву помог счастливый случай. Н.И. Ильминскому его порекомендовал Г.С. Саблуков, охарактеризовав как толкового знатока татарского языка. Ильминский едет в монастырь, где и знакомится с Тимофеевым. Именно Ильминский приводит его в Казанскую духовную академию.

Некоторые изменения в отношении миссионерских отделений произошли после ухода с должности ректора Иоанна в 1864 г., в период правления ректора Иннокентия Новгородова (1864-1868 гг.). Он начал дело по восстановлению миссионерских отделений в прежнем виде. В 1865 г. по инициативе преподавателей проти-

вомусульманского отделения Св. Синод вновь преобразовал миссионерские отделения. Он восстановил их в том виде, в каком они существовали до 1858 г., уничтожив, таким образом, обязательность миссионерских предметов той или другой группы для всех студентов³⁷.

В 1867 г. архиепископ Иннокентий, встревоженный тем, что воспитанники этих отделений совершенно не востребованы в обществе (так, из 36 с успехом закончивших татарское отделение только 8 получили места по специальности – 2 в академии и 6 в семинариях), обратился со своими соображениями о лучшей постановке миссионерских предметов и о судьбе студентов, изучивших их, в Св. Синод. Хотя представители миссионерских отделений на запрос обер-прокурора Св. Синода дали определенный ответ о применении будущими выпускниками своих знаний на практике, высшие власти не стали подробно интересоваться положением отделений при составлении нового устава духовных академий.

Устав духовных академий 1869 г. Последствия принятия для миссионерских отделений.

Преобразование Казанской духовной академии по утвержденному Св. Синодом 30 мая 1869 г. уставу и штату духовных академий совершилось 15 августа 1870 г. С этой даты начинается новый период в преподавательской и научной деятельности всей Казанской духовной академии и особенно у существовавших прежде миссионерских отделений. В академии были введены три новых отделения: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Новый устав не только не учел, но и практически исключил миссионерские отделения из структуры учебных заведений такого типа³⁸. Только

благодаря настоянию Казанского архиепископа Антония и Казанской духовной академии Св. Синод указом от 24 июня 1870 г. за № 1408 разрешил преподавание в Казанской духовной академии некоторых миссионерских предметов против «мухаммеданства» и против буддизма, хотя на условиях довольно невыгодных: «1) Оставив неприкосновенным указанное академическим уставом распределение преподавательских кафедр, допустить в Казанской академии, при преобразовании оной, преподавание миссионерских предметов – противомусульманского и противобуддийского с относящимися к оным языками; 2) возложить это дело на двух наставников с предоставлением им равных прав с преподавателями других предметов относительно жалования и служебных преимуществ, но без причисления их к какому-либо академическому отделению; 3) назначить для миссионерских предметов особые часы сверх назначенных уставом для других наук; 4) слушание миссионерских лекций не делать обязательным для студентов академии...»³⁹. Такая постановка миссионерских предметов не могла гарантировать определенного числа слушателей и привлечь к ним профессиональных работников. Вслед за Н.И. Ильминским бывшее противомусульманское отделение оставил и Е.А. Малов. Он перешел на кафедру еврейского языка и библейской археологии академии. Оставил было академию и практикант татарского языка В.Т. Тимофеев, лишенный штатного оклада, но скоро возвратился, получив вознаграждение из другого источника. Казалось, дело шло к закрытию миссионерских отделений, к прекращению изучения миссионерских предметов. Но благодаря некоторым лицам, в числе которых были Н.П. Остроумов и М.А. Машанов, бывшие миссионерские от-

деления получили заметную поддержку и не были закрыты.

Представителем миссионерского противомусульманского отделения академии после ухода Е.А. Малова стал Н.П. Остроумов (1870-1877 гг.), а после его отъезда в Туркестанский край – М.А. Машанов (1878-1911 гг., в 1911 г. уволен, но оставлен в академии как сверхштатный профессор до 1921 г.)⁴⁰.

Николай Петрович Остроумов родился в 1846 г. в Тамбовской губернии в семье протоиерея. После окончания Казанской духовной академии в 1870 г. преподавал здесь татарский и арабский языки и предметы против ислама. Большую часть своей жизни он провел в Туркестанском крае, в г. Ташкенте, куда уехал в 1877 г.

Михаил Александрович Машанов родился 11 мая 1852 г. в Петропавловске в семье протоиерея Александра Иоанновича Машанова. В 1872 г., после сдачи вступительных экзаменов, Михаил Машанов был зачислен на церковно-практическое отделение академии. Будучи студентом академии в 1872-1876 гг., Машанов на себе ощутил все изменения, вызванные принятием нового устава духовных академий 1869 г. И впоследствии, став преподавателем противомусульманских предметов, принимал все меры, чтобы впредь не допустить такого отношения к миссионерскому образованию в академии. Машанов прилежно посещал, совместно с другим студентом, Порфирием Меньшиковым, впоследствии ставшим священником, «миссионерские предметы против магометанства»: «обличение мухаммеданства», «историю Мухаммеда», арабский и татарский языки. Надо отметить, что они не являлись обязательными, поскольку, как было отмечено выше, устав 1869 г. исключил миссионерские отделения из структуры учебных заведений такого типа.

Это, несомненно, отразилось и на количестве студентов. Учащиеся больше не желали терять время и силы на приобретение знаний по «немодным» и чрезвычайно сложным «миссионерским предметам против магометанства». Поэтому занятия посещали лишь по-настоящему заинтересованные данными вопросами воспитанники. На каждый учебный курс их набиралось всего по 1-3 студента. Среди них был и Машанов. Он уже тогда задумывался о миссионерской деятельности среди нерусских народов. В частности, на его интерес к этим предметам указывает преподаватель противомусульманских предметов Казанской духовной академии Н.П. Остроумов: «...Михаила Машанова, который обратил на себя мое особенное внимание с самого начала своих занятий по преподаваемым мною в академии предметам. Своим постоянным усердием к делу и быстрыми успехами в усвоении моих уроков по языкам он представлял собою в числе других моих слушателей заметно выдающуюся личность... Г. Машанов во время своего пребывания в академии до такой степени усердствовал к изучению мухаммеданства, что... неопустительно посещал все мои классы и пользовался, кроме того, еще особыми от меня уроками, не делая при этом немало упущений в своих занятиях по избранной им группе специально философских предметов, о чем я осмеливаюсь утверждать на основании успешного его окончательного испытания по специальным предметам»⁴¹.

Практические занятия по разговорному татарскому языку вел у студентов священник, законоучитель Казанской Центральной крещено-татарской школы, ученик Н.И. Ильминского, переводчик Св. Писания и вероучительных книг на кряшенский язык, ставрокрещенный татарин В.Т. Тимофеев.

После отъезда Остроумова в Тур-

кестанский край в 1876 г. его место занимает Машанов. Заслугой Машанова, несомненно, было использование на занятиях подлинных мусульманских источников (Коран, Хадисы, труды арабских богословов и т.д.). Лекционному делу в студенческой аудитории он всегда придавал большое значение и к каждой лекции готовился серьезно и ответственно. На первых занятиях «по миссионерским предметам против магометанства» он разъяснял студентам сущность нравственного учения ислама. По арабскому языку – перевод I и II главы Корана. По татарскому языку – перевод книг под заглавием: «Шархникая» (в переводе с арабского «Комментарий избранного» (фикх) и «Мухтасараль викайаэ» («Избрание защиты» (фикх)). Параллельно сообщал студентам правила грамматики того и другого языка, а также делал подробные объяснения встречающихся терминов мусульманского богословия и юриспруденции»⁴².

Устав духовных академий 1869 г. преобразовал и противобуддистское отделение. Оно, как и противомусульманское, было сокращено, а существовавшие при нем предметы оставались необязательными для изучения. Василий Васильевич Миротворцев в 1869 г. получил степень магистра богословия и стал преподавать монголо-калмыцкий язык в академии. С июля 1870 г., т.е. до введения нового устава, он становится экстраординарным профессором по кафедре миссионерских предметов против буддизма⁴³. В первые годы после введения устава 1869 г. число слушателей его было не более двух-трех. В 1871 г. никто из вновь принятых студентов не пожелал изучать эти предметы. В 1872 г. единственный представитель бывшего противобуддистского отделения Миротворцев перешел на кафедру русской гражданской истории. Ввиду того, что ему не нашлось заместите-

ля, архиепископ Антоний предлагал Совету академии совсем закрыть эту миссионерскую кафедру. Хотя Совет академии отверг это предложение, преподавание миссионерских предметов против буддизма уже не восставлялось до конца действия устава 1869 г., т.е. до 1884 г., когда был принят новый устав духовных академий.

Таким образом, открытые в 1854 г. единственные в дореволюционной России миссионерские отделения являлись своеобразными центрами изучения этнографии, истории, религиозных верований и языков нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Рассматривая основные этапы существования отделений до 1884 г., мы приходим к выводу, что миссионерские отделения переживали в эти годы периоды как расцвета, так и застоя. Политика в этой сфере формировалась и предопределялась

под влиянием и высшей духовной власти, и государства. Несмотря на негативное отношение некоторых руководителей академии, преподавание учебных предметов миссионерских отделений сохранялось до самого закрытия академии.

Преподаватели миссионерских отделений стали инициаторами профессионального изучения христианства, ислама, буддизма и других религий, приверженцами которых являлись народы России. Исследования, проведенные преподавателями и выпускниками миссионерских отделений, стали известны по всей России, нередко получали высокую оценку среди современников и являлись неопределимым вкладом в отечественную науку. А сами отделения оказывались в центре внимания со стороны ведущих востоковедческих учреждений России.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Валеев Р. М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань, 1993. – С. 6.
2. Mark Batunsky. Russian missionary literature an islam // Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte. 1987/ - № 38. - S. 261.
3. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – № 18 – С. 634.
4. М.З. Хабибуллин. Миссионерские отделения. Казанской духовной академии в 1842-1883 гг. // Православный собеседник №2 (15) – 2007. – С. .
5. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. II. – С. 5.
6. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 1; Д. 827. Л. 40.
7. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 740; Открытие Казанской духовной академии. – Б/м. – Б/г. – С. 59.
8. Колесова Е.В. Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани. Середина XIX – начало XX веков.: Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2000. – С. 47–48.
9. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827. Л. 39; Д. 1324. Лл. 96-97об.
10. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 744.
11. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк. // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 744.
12. Гвоздев И.А. 25-летие Казанской духовной академии. – Казань, 1868. – С. 49.
13. Batunsky, Mark. Russian Missionary Literature on Islam // Zeitschrift fuer Religions und Geistesgeschichte. 1987. – № 38. – S. 261.
14. Алексеев А. К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования», Казань, май 2003 г. / Под ред. Р.М.Мухаметшина. – Казань, 2004. – С. 68.
15. Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй полови-

- ны XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань, 1993. – С. 7; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 898. Лл. 11 – 11об.
16. Колесова Е.В. Указ. соч. – С. 64.
17. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1876 г. – Казань, 1876. – С. 127-131.
18. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. – Казань, 1948. – С. 261; Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. – Самара, 1900. – С. 32-33; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 994. Л. 1.
19. Смоленский С.В. В защиту просвещения восточно-русских инородцев по системе Николая Ивановича Ильминского. – СПб., 1905. – С. 5.
20. Знаменский П.В. На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. – Казань, 1892. – С. 82-83.
21. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избр. соч. – Т. V. – М. – А., 1958. – С. 125-126.
22. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии... – С. 405-407.
23. Крачковский И.Ю. Чернышевский и ориенталист Г.С. Саблуков // Избр. соч.: В 6-ти т. – М. – А., 1958. – Т. 1. – С. 218.
24. Казанская духовная академия. Исторический очерк. – Казань, б/з. – С. 746; Валуев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань, 1993.
25. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. I. – С. 408.
26. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – № 18. – С. 634-636; – № 19. – С. 654.
27. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. I. – С. 158.
28. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. I. – С. 158.
29. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 709.
30. Крачковский И.Ю. Очерки по истории... – С. 126.
31. Православный собеседник. – 1880. – Ч. 1. – С. 296-297.
32. Остроумов Н.П. Воспоминания... – С. 132.
33. Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 748.
34. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – С. 38.
35. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии. – Вып. 1. – Казань, 1948. – С. 264.
36. Знаменский П.В. На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. – Казань, 1892. – С. 156-161.
37. Знаменский П.В. – С. 156-161.
38. Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 710.
39. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1870 г. – Казань, 1870. – С. 6; Бердников И.А. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования. 1842-1892 гг. – Казань, 1892. – С. 18.
40. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1870 г. – Казань, 1870. – С. 6-7.
41. Терновский С.П. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870-1892. – Казань, 1892. – С. 21, 30.
42. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1876 г. – Казань, 1876. – С. 96.
43. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1877-1878 учебный год. – Казань, 1878. – С. 34-35.
44. Терновский С.П. Указ. соч. – С. 430.

АННОТАЦИЯ

Середина XIX – начало XX вв. были периодом зарождения и развития российского востоковедения, в то время как исламоведение стало одним из ведущих его направлений. Главными специалистами по исламоведению были Г.С.Саблуков, Н.И. Ильминский, Е. А. Малов, Н. П. Остроумов, П. К. Жузе, М. Г. Иванов, А. А. Архангельский, М. А. Миropиев, Я.Д.Коблов и др. Миссионерское отделение Казанской духовной академии сыграло важнейшую роль в изучении Ислама. Казанское миссионерское востоковедение развивалось как прикладное востоковедение и было направлено на обеспечение христианизации на национальной периферии Российской империи.

MARAT SALAKHOV

THE ORIENTAL STUDIES IN KAZAN ECCLESIASTICAL ACADEMY IN THE
SECOND HALF OF 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY. A MISSIONARY
ASPECT

SUMMARY

Mid-19th – early 20th century was the period of origin and development of Russian Oriental Studies whilst Islamic Studies became one of its leading branches. The most famous experts in Islamic Studies were G.S.Sablukov, N.I. Ilminsky, E.A.Malov, N.P.Ostroumov, P.K.Zhuze, M.G.Ivanov, A.A.Arkhanguelsky, M.A.Miropiev, Ya.D.Koblov, etc. Missionary department of Kazan Ecclesiastical Academy played essential role in exploring of Islam. Kazan Missionary Oriental Studies have been developed as applied oriental studies aiming to facilitate Christianization of national periphery of the Russian Empire.

Ключевые слова: христианизация, миссионерская деятельность, Казанская духовная академия, востоковедение, исламоведение.

Keywords: Christianization, missionary activities, Kazan Ecclesiastic Academy, Oriental Studies, Islamic Studies.

Марат Рустэмович Салахов (Казань, Россия) – аспирант Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан, преподаватель кафедры естественных и гуманитарных наук Российского Исламского Института (РИИ). E-mail: marat-salakhov@yandex.ru